

Линь Сяоцзю находился во дворе, наблюдая за тем, как люди моют и нарезают овощи, при этом обдумывая, какие блюда готовить на вечер. Вдруг он сильно испугался, когда кто-то неожиданно появился рядом с ним.

Когда Линь Сяоцзю разглядел, что это была Цзинь Тао, он вздохнул с облегчением, решив, что она пришла помочь заранее, потому что раньше она часто так поступала.

Цзинь Тао, видя, что она испугала хозяина, смущенно извинилась: “Извините, хозяин, я не хотела вас напугать”.

Линь Сяоцзю улыбнулся, глядя на её виноватое лицо, и помахал ей рукой, мягко сказав: “Я знаю, что ты не хотела, но в следующий раз не появляйся так неожиданно. Люди могут испугаться, и это может привести к неприятным последствиям”.

Цзинь Тао, и так чувствовавшая вину, не смогла скрыть своего смущения после этих слов Линь Сяоцзю.

Увидев её выражение, Линь Сяоцзю вдруг понял, что, возможно, сказал лишнее. Он немного покашлял и своевременно сменил тему.

“Кстати, зачем ты пришла? Здесь нет дел, которые требуют твоего участия!”

Цзинь Тао оглядела старушек, которые с опаской мыли овощи, затем взглянула на Линь Сяоцзю. Она сжала губы, и на её лице появилось выражение раздумья.

Но, после долгих раздумий, она, похоже, приняла решение, закрыла глаза, собравшись с духом, и прямо сказала: “Хозяин, я хотела бы обсудить с вами одну важную вещь”.

В глазах Линь Сяоцзю, Цзинь Тао всегда была мягкой, солнечной и понимающей, и редко бывала такой серьёзной.

Поэтому, когда Линь Сяоцзю увидел, как Цзинь Тао вдруг становится такой серьёзной, он автоматически принял позу внимательного слушателя.

“Что случилось? Говори!”

Цзинь Тао глубоко вдохнула, а затем медленно заговорила.

“Сегодня я услышала твой разговор с клиентами, и я надеюсь, если это возможно, ты мог бы удовлетворить их просьбы”.

Эти слова Цзинь Тао стали для Линь Сяоцзю полной неожиданностью.

Возможно, из-за того, что выражение потрясения на лице Линь Сяоцзю было слишком явным, Цзинь Тао сжала кулаки, и её лицо стало напряжённым.

“Я просто думаю, что моя нынешняя работа слишком лёгкая, а ты платишь мне слишком много”.

Сейчас Цзинь Тао не нужно делать ничего другого, например, мыть или резать овощи — для этого есть специально нанятые люди. Ей нужно только приготовить все заранее подготовленные продукты, следуя указаниям Линь Сяоцзю.

Эта работа, по её мнению, не стоила даже половины усилий, которые она раньше прикладывала, работая дома.

Но даже несмотря на то, что она выполняет такую лёгкую работу, Линь Сяоцзю не уменьшил её заработную плату, а даже повысил её.

Когда Цзинь Тао узнала, что её брат может порекомендовать её сюда, она решила, что независимо от того, насколько грязная или тяжёлая будет работа, если она сможет на неё жить, она будет стараться изо всех сил.

Но в данный момент, Цзинь Тао обнаружила, что Линь Сяоцзю дал ей гораздо больше, чем она заслуживала, и даже это превысило её ожидания относительно заработной платы за выполненную работу.

Это чувство вины, исходящее из глубины души, становилось всё более сильным после того, как Цзинь Тао закончила готовить и увидела, что другие всё ещё продолжают работать, убирая за ней, в то время как ей не нужно было делать ничего.

Когда она увидела, как клиенты просят Линь Сяоцзю накормить их, в голове у Цзинь Тао вдруг возникла сильная мысль: если они нуждаются в этом, она тоже могла бы справиться.

В конце концов, те блюда, что отправляются в академию, — это всё готовила сама Цзинь Тао. Если ей поручат сделать это, она точно не подведёт и не испортит репутацию маленького хозяина.

Если она справится, то не будет сидеть сложа руки, она сможет сделать больше для этого магазина и для маленького хозяина. Это не только будет благодарностью за проявленное внимание, но и оправдает деньги, которые ей платят.

Но Цзинь Тао чувствовала, что Линь Сяоцзю может не захотеть, поэтому она долго сомневалась, прежде чем набраться смелости и подойти к нему, чтобы поделиться своими

мыслями.

Линь Сяоцзю, слушая её слова, взглянув на неё, почувствовал некую сложность в своих мыслях. Он даже подумал, что люди в древности действительно искренние — он намеренно хотел помочь ей, а она не понимала, что могла бы отдохнуть.

Цзинь Тао, увидев, что Линь Сяоцзю стоит молча и не реагирует после того, как она высказала своё предложение, подумала, что он по-прежнему не согласен, и немного забеспокоилась. Она снова попыталась уговорить его.

"Маленький хозяин, я понимаю, что вы переживаете за меня, но я действительно справлюсь. Это всего лишь несколько дополнительных котелков, это не сложно. В противном случае, я не буду чувствовать себя спокойно, если просто возьму деньги".

Линь Сяоцзю, видя беспокойство на лице Цзинь Тао, почувствовал ещё большее смущение и даже подумал, что она слишком искренняя.

Он потёр нос, посмотрел на неё и мягко объяснил: "На самом деле, я не соглашался с ними, потому что в нашем заведении и так уже достаточно работы. Если бы я послушал их, это было бы не простое дело открыть ещё одно место — нам пришлось бы заново планировать весь ассортимент товаров".

Изначально возбуждённое выражение лица Цзинь Тао вдруг стало унылым.

Линь Сяоцзю посмотрел на неё и не знал почему, но ему стало немного смешно. Однако он быстро взял себя в руки и сказал: "Тем не менее, раз ты так настоятельно предлагаешь, мы можем серьёзно подумать над этим".

В глазах Цзинь Тао заблестел интерес, и Линь Сяоцзю продолжил спокойно: "Но этот вопрос стоит обдумать, ведь в нашем заведении уже нет лишних мест".

Если нужно будет готовить эти блюда, Линь Сяоцзю подумывал, что можно будет организовать их в виде тех старых передвижных тележек, которые он видел раньше, а цены установить в зависимости от того, что будет предложено — мясное или овощное. Это будет удобнее.

Но при таком варианте возникает большая проблема с тем, где разместить эти тележки, а если клиенты захотят забрать еду с собой, то нужно решить, как можно сделать это с минимальными затратами.

Когда Цзинь Тао услышала обещание Линя Сяоцзю приготовить всё, её глаза засияли ярче. Услышав его дальнейшие планы, она начала радостно кивать и с готовностью ждать дальнейших указаний.

Линь Сяоцзю, наблюдая за радостным выражением лица Цзинь Тао, невольно вспомнил шуточные истории в интернете о том, как сотрудники заставляют начальников работать, и ему это показалось немного смешным.

Цзинь Тао не подозревала о мыслях Линя Сяоцзю. Услышав его слова, она вернула свою привычную яркую улыбку и, радостно обращаясь к Линь Сяоцзю, сказала: "Тогда, господин Сяоцзю, подумайте, а я пойду помогать".

"Хорошо".

Линь Сяоцзю наблюдал, как Цзинь Тао ловко взяла овощи и быстро влилась в рабочую атмосферу. Видя, как люди трудятся неподалеку, у него возникло ощущение, что его дело становится всё более масштабным.

□□#

Во время всего занятия Му Цин был настолько встревожен и обеспокоен, что не мог усидеть на месте, терзаясь мыслями. В голове у него звучали лишь слова, которые только что сказал Шэнь Лянь.

С таким тревожным настроением Му Цин переживал до самого конца занятия.

Когда прозвенел колокол, означающий конец урока, учитель, собрав свои книги и указку, быстро покинул класс. Му Цин тут же нетерпеливо обернулся к Шэнь Ляню и взволнованно спросил:

"Ну, говори скорее, что случилось? Неужели наместник действительно запретил вашей семье поставлять еду в столовую?"

"Что? Что? Что за еда в столовой?"

Чай Юаньвэй только что подошел и не слышал предыдущего разговора. Услышав слова про столовую, он тут же обратил на это внимание. А когда увидел, что Му Цин и Шэнь Лянь выглядят серьезными, сам тоже начал нервничать.

Для Чай Юаньвэя сейчас можно было обойтись без чего угодно, но без заказанной у мужа Шэнь Ляня еды — ни за что.

Шэнь Лянь посмотрел на двух людей перед собой — Му Цин и Чай Юаньвэй даже паниковали одинаково. На его обычно непроницаемом лице наконец появилось выражение легкого бессилия, и он, усмехнувшись, вздохнул:

“Да о чем вы вообще думаете?”

Увидев, что Шэнь Лянь улыбается, Му Цин решил, что ничего серьезного не случилось, и тоже немного расслабился.

Чай Юаньвэй, заметив это, подумал, что его еда в безопасности, и на его лице тоже появилось облегчение.

Однако следующие слова Шэнь Ляня снова заставили их напрячься.

“Господин наместник считает, что тот факт, что Сяоцзю смог получить право на поставки в столовую, — исключительно моя заслуга. Он думает, что я воспользовался своим статусом ученика академии, чтобы упростить ему путь. По его мнению, зарабатывать таким образом — это позор для человека науки. И, честно говоря, он этим недоволен”.

Не успели Му Цин и Чай Юаньвэй что-либо сказать, как вдруг раздался громкий голос:

“Чушь собачья!”

Услышав эти слова, Му Цин и остальные тут же обернулись в сторону неожиданного четвертого голоса. Оказалось, что это был один из учеников, с которым они не особенно близко общались. Сейчас он смотрел на них с явной неловкостью.

Этот ученик сидел справа от Шэнь Ляня. Поскольку во время разговора они особо не старались скрываться, он случайно услышал всё, что было сказано.

Когда Шэнь Лянь и остальные разом посмотрели на него, ученик ещё больше смутился. Он неуклюже помахал рукой и пробормотал:

“Э-э... Вы не обращайтесь на меня внимания, продолжайте, продолжайте”.

Шэнь Лянь первым отвёл взгляд, но Му Цин и Чай Юаньвэй продолжали пристально смотреть на ученика.

Тот, в конце концов, не выдержал и, понизив голос, сказал:

“Я... я не специально подслушивал. Просто вы заговорили о столовой, и я... не смог не прислушаться”.

Говоря это, он выглядел весьма смущённо, но всё же продолжил:

“Вы ведь знаете, какой раньше была еда для живущих в общежитии? Ну, кроме того, что она была хоть и приготовленной, но совершенно безвкусной, у неё вообще не было никаких достоинств.

А вот несколько дней назад глава где-то нашел повара, и нам приготовили две потрясающие трапезы. С тех пор единственное, чего мы теперь ждем весь день, — это время обеда.

И вот теперь вы не только обсуждаете еду, но еще и, похоже, столкнулись с какой-то проблемой. Я... я просто испугался, что у нас снова будет прежняя стряпня, вот и выкрикнул в запале!”

Говорил он всё это с такой убедительностью, что, когда дошел до воспоминаний о прошлой еде, на его лице отразилась целая гамма эмоций — от отвращения до искреннего ужаса.

Му Цин и Чай Юаньвэй вспомнили, как однажды по любопытству попробовали еду в общежитии. Вкус той еды был настолько специфическим, что они до сих пор содрогаются при воспоминании. Поэтому сейчас они посмотрели на ученика с сочувствием и решили не упрекать его за подслушивание.

Шэнь Лянь, заметив, что тот всё ещё пристально на него смотрит, терпеливо спросил: “Что-то ещё?”

Ученик потер руки, смущённо улыбнулся, но всё же решился: “Э-э, я просто хотел спросить: поставки в столовую ведь не отменяют?”

Шэнь Лянь посмотрел на него и уверенно покачал головой: “Если ничего не изменится, поставки продолжатся”.

Ученик облегчённо выдохнул, широко улыбнулся и, поклонившись Шэнь Ляню, воскликнул: “Вот и хорошо, вот и хорошо! Вы продолжайте, продолжайте”.

С этими словами он встал и быстро отошёл к другим ученикам, чтобы поговорить с ними.

Проводив взглядом его спину, Му Цин снова посмотрел на Шэнь Ляня и с любопытством спросил: “Но столовая ведь работает нормально, глава ничего не говорил. Почему же с приходом заместника возникли проблемы?”

Шэнь Лянь остался спокоен и размеренно ответил: “Возможно, кто-то подстрекает заместника, пытаюсь найти повод для неприятностей. Однако это лишь незначительное неудобство для меня”.

Слова Шэнь Ляня были спокойными, но Му Цин всё же испугался и встревоженно спросил: “Брат Шэнь, что ты имеешь в виду?”

Шэнь Лянь задумался, глядя на более обеспокоенного друга, и медленно сказал:

“У меня есть подозрение, что человек, сопровождающий наместника, может быть тем самым родственником семьи Куй, о котором я вас просил узнать”.

Му Цин застыл в изумлении.

#

Позже вечером, после проверки академии, Куй Синь, сославшись на встречу с семьёй, не пошёл с наместником в гостиницу, а отправился в дом Куй.

<http://bllate.org/book/15132/1337479>